

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА СЛОВА В ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Статья посвящена освещению вопроса касательно исследования феномена слова (смысла, наименования, значения, языковых выражений) в зарубежной философии языка: Г. Фреге, Б. Больцано, Е. Груссель.

Ключевые слова: феномен слова, философия имени, философия языка.

Философия XX в. – это, прежде всего, философия языка. “Язык” при этом понимается максимально широко. Говорят о “естественных” языках (национальных языках общения), о “языках науки” (содержащих понятийный аппарат и средства доказательства научных теорий), о “формализованных” языках (специально построенных средствами формальной логики) и др. Именно в XX в. наблюдается тенденция рассмотреть знаковую (семиотическую) систему как определенный язык, что повлекло за собой развитие семиотических исследований. Уже на рубеже XIX–XX вв. было предпринято несколько независимых друг от друга попыток построения общей теории знаков (в первую очередь, американским логиком и философом Ч. Пирсом и швейцарским лингвистом Ф. Де Соссюром), получившей дальнейшее развитие, как в зарубежной, так и в отечественной философской мысли.

Живой интерес к философским проблемам языка был связан с кризисом естественных наук (математики и физики, в частности), крахом “классической” научной парадигмы, имевшим место на рубеже XIX–XX вв. [4].

На первый план выходят проблемы языковых выражений: связь языковых выражений с категориями “смысл”, “значение”, чаще всего выступающими в роли связующего звена между выражением и обозначаемым им предметом (в широком смысле слова); механизмы смыслообразования; критерии осмысленности и истинности высказываний и др. Все эти вопросы начинают активно обсуждаться в рамках только начинавшей формироваться в конце XIX в. логической семантики и продолжают быть актуальными сегодня в русле словоцентрического подхода к языку.

Цель статьи – рассмотрение и осмысление феномена слова в зарубежной философии языка в контексте семиологического описания “значения” и “смысла”.

Одним из основателей логической семантики по праву считается выдающийся немецкий математик и логик Г. Фреге, создавший особый язык символов (формализованный язык), позволявший наглядным образом в действиях со знаками воспроизводить содержательные связи выражений естественного языка. Под семантикой в данном контексте понимают область исследований, изучающую отношения между языковыми выражениями и обозначаемыми ими объектами [6].

В работах Готлоба Фреге, в частности в статье “Über Sinn und Bedeutung”, было установлено различие между понятиями “смысла” и

“значения”, иногда приводящее к недоразумениям. Г. Фреге под “смыслом” (Sinn) выражения (знака, имени) понимает его содержание, тогда как под “значением” (Bedeutung) – предмет, обозначаемый данным выражением, с которым выражение соотносится через свой смысл. То, что Г. Фреге называет “значением”, в работах других авторов носит название “предмет”, “денотат”, “десигнат”, “номинант”, “отнесение” и пр. В исследованиях, ориентированных на логико-семантический и теоретико-познавательный анализ проблемы смысла (в первую очередь, это касается концепции Г. Фреге), последний часто понимается как некое объективное образование, независимое от сознания мыслящих его субъектов, всегда самоидентичное и в равной мере доступное всем субъектам познания [6]. Однако эта объективность иного рода, чем объективность вещей внешнего мира. В отличие от последних, смысл мы не можем воспринимать органами чувств. В то же время смысл – не психическое образование, которое всегда для своего существования требует носителя сознания. Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. наряду с миром вещей и миром психических переживаний, разделение которых было традиционным и общепризнанным, выделяют некий третий мир особых образований – смыслов, составляющих особого рода объективную реальность [4].

Ещё Бернад Болцано, чешский математик и философ, касаясь проблемы смыслов, считал, что объективными и общезначимыми в человеческом знании являются идеальные сущности (“предложения в себе”, “истины в себе”, “представления в себе”), которые должны быть абсолютно независимы от любого мыслящего субъекта, в том числе и от Бога [1].

Б. Болцано в своих работах практически не касается проблемы выражения. Для него выражение связано с функцией сообщения мыслимых предложений. Несмотря на то, что смысл дан в языковой форме (объективный смысл как “предложение в себе”), автор “Наукоучения” ничего не говорит о том, как смысл предложения связан с его языковой стороной. Данная связь случайна и произвольна или же определенное “предложение в себе” может реализоваться только в определенном выражении? Не объясняя механизм “реализации” “истин в себе” в наших субъективных актуальных суждениях, Б. Болцано, оставляет тем самым открытым и эти важные вопросы [1].

Г. Фреге, как уже упоминалось, стоял у самых истоков логической семантики. Как известно, семантика, как раздел семиотики, занимается изучением отношений языковых (шире – знаковых) выражений к обозначаемым объектам и выражаемому содержанию. Логическая семантика имеет свою особенность: она имеет дело со специальными языками, построенными для целей логики. В рамках логической семантики мы встречаемся с категориями смысла и значения, которые входят в так называемый “семантический треугольник Фреге” (имя – смысл – значение (денотат)), призванный прояснить отношения именованного, денотации, выражения и некоторые другие отношения, существующие между знаком и значением.

Мысль выражается в предложении некоторого языка. При этом важно, что смысл слов предложения определяется не изолированно, но лишь в контексте всего предложения: "...значение слова нужно объяснять не в его обособленности, но в контексте предложения..." [6, с. 123]. Благодаря языку мысль вообще становится, собственно, возможной, полагает Г. Фреге, а также доступной многим. Тем самым Г. Фреге был вынужден обратиться к вопросам языка, к лингвистическим проблемам, не ставя себе непосредственно такой задачи. На первый план выходят проблемы многозначности слов естественного (обыденного) языка и необходимость построения языка науки (символического языка логики), свободного от приводящих к недоразумениям смысловых наслоений. "Языки не создавались по логической линейке. И логическое в языке сокрыто за образами, которые не всегда верны... Главная задача логики состоит в освобождении от языка и в упрощении. Логика должна быть судьей языка" [6, с. 158]. Г. Фреге стремится построить такой символический язык ("исчисление понятий" – *Begriffsschrift*), который исключил бы саму возможность многозначности слов. "Я стремился дополнить язык формул математики знаками логических отношений – так, чтобы в результате получилась система знаков (*Begriffsschrift*), которая сделала бы ненужной вмешательство слов в ход доказательства и благодаря этому соединила бы высочайшую гарантию убедительности с наибольшей краткостью" [6, с. 147].

Итак, естественный язык несовершенен. В связи с многозначностью слов естественного языка возникают непонимание или не совсем точное понимание, различные недоразумения и т.п. И поскольку Г. Фреге считает, что "логика... все еще слишком тесно связана с языком и грамматикой" [6, с. 67], а "язык не настолько подчиняется логическим законам, чтобы следование грамматике само по себе гарантировало формальную правильность хода мыслей" [6, с. 154], то необходимо прибегнуть к построению четкого формального языка. Г. Фреге вообще приписывает знакам значительную роль в развитии, в частности, абстрактного мышления. "Без знаков мы вряд ли возвысились бы до мышления в понятиях. Присваивая один и тот же знак разным, но сходным вещам, мы, собственно говоря, обозначаем не отдельную вещь, а то общее, что им присуще, то есть понятие. А обретаем мы его только потому, что его обозначаем: ибо само по себе оно является ненаглядным, и потому, чтобы быть явленным нам, понятие нуждается в некотором наглядном представителе. Так чувственное данное раскрывает нам мир внечувственного" [6, с. 153–154]. Посредством чувственных знаков (слов естественного языка или символов формализованных языков) мы можем мыслить то, что нам наглядно не дано, а в некоторых случаях даже и не может быть дано.

Следует обратить внимание на то, как Г. Фреге определяет знак. Знак – это любое обозначение, выступающее в роли имени собственного. Последним Фреге называет обозначение данной вещи, которое может состоять как из одного слова, так и из нескольких слов или других знаков [7, с. 184]. Итак, знак выражает смысл и обозначает или называет денотат.

Денотат знака – это определенная вещь, понимаемая в широком смысле, но не понятие или отношение. Смысл же является связующим звеном между знаком и денотатом. Г. Фреге подчеркивает принципиальное значение для логики наличие возможности выражения одной и той же мысли различным образом.

Подытоживая фрегевский вариант решения проблемы природы и способа существования смысла (мысли, истины, слова), можно сказать следующее: придерживаясь жесткой антипсихологической позиции, он выделяет некую третью область объектов наряду с миром вещей и миром психики (третье царство), объекты которой представляют собой идеально-объективные образования (логические, научные истины, объективные смыслы), существующие автономно; объявив абсолютную автономность данных идеальных образований, Г. Фреге должен был решать вопрос, касающийся их онтологического статуса, но этому вопросу Фреге так и не уделяет особого внимания, просто постулируя наличие данной области объектов [4].

Известнейший немецкий философ Эдмунд Гуссерль, логик и математик, основатель феноменологического направления в философии XX в., приписал антропологизму как частному случаю специфического релятивизма те следствия, которые вытекают из его собственной позиции, а вовсе не из самого антропологизма [3]. Мир соответствует идеальной системе истин, поскольку они находятся в неразрывной коррелятивной связи. По Э. Гуссерлю, существуют истины в себе, которые являются коррелятами бытия в себе. Если мы делаем истину относительной, субъективной, то и бытие соответственно должно быть относительным, субъективным.

Решение проблемы смысла, значения и выражения было напрямую связано в логико-философской мысли на рубеже XIX–XX вв. с решением проблемы обоснования логики, которое представало в одном из двух взаимоисключающих вариантов: психологизме и антипсихологизме. Именно антипсихологизм проводит четкое различие между субъективным процессом познания и его объективным содержанием. Последнее, в виде научных истин, определяется антипсихологистами в качестве объективно-идеальных образований. Этим задается определенный онтологический статус научных истин. Однако недостаточно просто заявить, как это делают Больцано, Фреге и ранний Гуссерль, что объективные научные истины являются идеальными образованиями. Важно показать обоснованность и неизбежность данного вывода-решения. На эти принципиальные вопросы мы не находим у них ясных и отчетливых ответов. Тем не менее, нам представляется чрезвычайно важным и существенным, что именно эти философы указали путь, следуя которому, данная проблема может быть решена. Это уточнение специфики онтологического статуса смысла (значения), как образования, также принадлежащего сфере идеально-объективных сущностей [4].

И Б. Больцано, и Г. Фреге, и ранний Э. Гуссерль находили решение указанной проблемы в разъяснении роли субъекта познания. Ответ был

для них очевиден: субъект не создает никакого знания. Он обнаруживает научные истины как автономно существующие и, таким образом, лишь актуализирует их для человеческого познания. Указанные авторы считали, что такая позиция может служить обоснованием провозглашаемой ими природы логики как научного знания. Однако при этом без ответа остаются следующие вопросы: каков механизм обнаружения этих истин и как они остаются “незатронутыми” субъективным процессом познания? Вопросы же эти порождаются особой ролью языка в процессе мышления. Но и Б. Больцано, и Г. Фреге, и Э. Гуссерль стоят на той точке зрения, что мышление и язык должны быть абсолютно прозрачными посредниками познания. При этом сам механизм взаимодействия языка и мышления не получает своего раскрытия в вышеуказанных логико-философских концепциях [5].

Важным для нашего исследования является прогнозируемый факт: только в виде языкового выражения интуитивно постигнутое может представлять интерес для науки, поскольку только так положение вещей, зафиксированное в индивидуальном сознании, может стать объективным общедоступным знанием. Таким образом, как средство фиксации, хранения и передачи знания язык оказывается необходимым и незаменимым. “Применив какое-либо слово в адекватном приспособлении его к интуитивно постигнутой сущности, – отмечает Э. Гуссерль, – мы еще не достигли всего, хотя со стороны самого интуитивного постижения все необходимое совершено” [3, с. 35].

Выражение (или экспрессивный знак) Э. Гуссерль отличает от знака-метки, знака-признака (индикативного знака), который лишь указывает на что-то и выполняет функцию оповещения, но не обозначает это что-то, не выражает его смысл. Такими индикативными знаками являются, например, выражения лица, жесты и т.п. “Каждый знак есть знак чего-либо, однако не каждый имеет некоторое “значение”, некоторый “смысл”, который “выражен” посредством знака” [3, с. 35]. Обозначение в смысле “придания значения” характерно как раз для знака как выражения, а не для знака-метки. Сначала Гуссерль использует понятия “значение”, “значить” только применительно к сфере выражения, связываемой с речью. (“Выражение – чисто лингвистический знак, и это именно то, что, на первый взгляд, отличает его от указания” [2, с. 30]). При этом речь, чтобы быть таковой, не обязательно должна быть направлена с целью коммуникации к другой личности. Она может быть обращена и к самому себе. Главное, что отличает речь, например, от жестов и мимики, которые Э. Гуссерль не называет речью, это наличие интенции, которая позволяет сформировать какую-либо мысль. Э. Гуссерль начинает рассмотрение выражения в его коммуникативной функции. На первый план выходит то, что принципиально важно для выражения, а именно: обозначение как придание значения. Каким же образом осуществляется это придание значения, делающее выражение таковым, и что оно собой представляет?

Выражения, прежде всего в коммуникативной функции, становятся собственно выражениями, т. е. осмысленной речью, а не просто комплек-

сом звуков, вследствие того, говорит Э. Гуссерль, что говорящий придает этому звуковому комплексу некоторый смысл, который он хочет сообщить слушающему. При этом не менее важным является способность слушающего понимать интенцию говорящего. В данном случае выражения функционируют и как признаки, т. е. выполняют оповещающую функцию, так как они служат слушающему знаками “мыслей” говорящего. Однако выражения не перестают быть таковыми и вне коммуникативной функции; даже, как говорит Э. Гуссерль, “в одиночестве душевной жизни” (im einsamen Seelenleben [3]) выражениям присущи их значения, те же самые, что и в общении. Слово выражает то же самое, независимо от того, адресовано ли оно кому-нибудь или нет. Поэтому все, что сущностно принадлежит выражению, не совпадает с его извещающей функцией. Значит, чистое выражение, сферу “чистой экспрессивности” мы можем обнаружить, прежде всего, “в одиночестве душевной жизни”.

Выражение, таким образом, для Э. Гуссерль не является лишь внешним, озвучивающим моментом, скажем, внутренней речи. Выражение останется выражением, то есть знаком, обладающим значением, и без оглашения. Для выражения, которое возможно только благодаря акту интенции значения, важно то, что оно заявляет о себе непосредственно, тогда как, скажем, мимика и жесты сообщают не о себе, но отсылают к чему-то другому. Само мышление осуществляется посредством знаков как выражений; выражение характеризует именно мышление, а не коммуникацию. «Знак как выражение есть не что иное, как непосредственное выражение мышления. Это не внешнее, коммуникативное слово, “повторенное внутренне”, это выражение “внутреннего мышления”... Знак как выражение – это знак значения, коммуникативный знак – это знак вещи» [2]. Разница в том, что выражение, обнаруживаемое “в одиночестве душевной жизни”, не требует интерпретации (поскольку заявляет непосредственно о себе), тогда как коммуникативные знаки обязательно предполагают интерпретацию.

Итак, чтобы определенный звуковой комплекс (или письменно зафиксированное слово) превратился из простого набора звуков (из просто наглядного представления, данного нам посредством внешнего восприятия) в осмысленное выражение, должен иметь место акт придания значения или интенции значения, который осуществляет говорящий, или только мыслящий, субъект. Без этого акта интенции значения набор звуков так и остался бы пустым, ничего не выражающим, ничего не значащим набором звуков.

В лекциях 1907 г. Э. Гуссерль еще немного проясняет этот вопрос. Он говорит о том, что конституирование означает только продвижение к тому, на что сознание обращено, таким образом, чтобы это нечто имело возможность “объявить” себя в этом “продвижении-к” [3]. Такое понимание Э. Гуссерлем конституирования, конечно, не позволяет говорить о его возврате к традиционно понимаемому психологизму: конституирование – не произвольная субъективная деятельность, но строго воссоздающая суть познаваемого предмета, значит, воспроизводящая ее объективно. Э. Гуссерль во что бы то ни стало стремится отстоять объективность конституируемых

смыслов, возможность их интерсубъективной данности (ведь конституирование осуществляется трансцендентальным субъектом). Но поскольку в науке мы не можем ограничиться лишь уровнем интуитивно данных положений вещей, существующим до всякого выражения, то мы снова должны обратиться к теме языка, языковых выражений. Необходимо выяснить, является ли язык, выражение чем-то внешним, необязательным по отношению к доязыковому интуитивному уровню (данного посредством созерцания), или же он играет свою собственную роль в сохранении уже достигнутой объективности идеальных образований, а, может, даже участвует в формировании смысла. Если в “Идеях I” Э. Гуссерль занимается в основном, за редким исключением, исследованием доязыкового слоя смысла, то, к примеру, в “Начале геометрии” он уделяет достаточно внимания именно проблеме выражения, языковой стороне проблемы смысла.

Э. Гуссерль достаточно четко устанавливает различие между смыслом и предметом, и не только в отношении “рецептивных”, “сцепленных” объектов, но и в отношении “умопостигаемых” объектов (равносторонний – равноугольный треугольник). В данном случае именно возможность придавать одному и тому же предмету разный смысл указывает на нетождественность предмета и значения.

Выводы. Рассмотрение и осмысление феномена слова в зарубежной философии языка в контексте семиологического описания “значения” и “смысла” в конце XIX – начале XX вв. наряду с миром вещей и миром психических переживаний, разделение которых было традиционным и общепризнанным, дают возможность выделить некий третий мир особых образований – смыслов, составляющих особого рода объективную реальность.

Чтобы определенный звуковой комплекс (или письменно зафиксированное слово), считает Э. Гуссерль, превратился из простого набора звуков (из просто наглядного представления, данного нам посредством внешнего восприятия) в осмысленное выражение, должен иметь место акт придания значения, или интенции значения, который осуществляет говорящий, или даже только мыслящий, субъект. Без этого акта интенции значения набор звуков так и остался бы пустым, ничего не выражающим, ничего незначащим набором звуков.

Знак, по Г. Фреге. – это любое обозначение, выступающее в роли имени собственного. Знак выражает смысл и обозначает или называет денотат. Денотат знака – это определенная вещь, понимаемая в широком смысле, но не понятие или отношение. Смысл же является связующим звеном между знаком и денотатом. Г. Фреге подчеркивает принципиальное значение для логики наличие возможности выражения одной и той же мысли различным образом.

Г. Фреге стремился дополнить язык формул математики знаками логических отношений так, чтобы в результате получилась система знаков, которая сделала бы ненужной вмешательство слов в ход доказательства и

благодаря этому соединила бы высочайшую гарантию убедительности с наибольшей краткостью.

Список использованной литературы

1. Больцано Б. Парадоксы бесконечного / Б. Больцано // Парадоксы бесконечного. – Мн. : Изд. В.П. Ильина, 1999. – С. 75–196.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль // Философия как строгая наука. – Новочеркасск : Сагуна, 1994. – С. 151–152.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М. : ДИК, 1999. – Т. 1. – С. 50, 130, 140–141.
4. Муравенко Н.Ю. Смысл и выражение как проблема философии, логики и методологии науки : дисс. ... к. философ. наук 09.00.02 / Н.Ю. Муравенко. – Одесса, 2008. – 192 с.
5. Муравенко Н.Ю. Концепции значения Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна (к проблеме смыслообразования в аналитической философии и феноменологии) / Н.Ю. Муравенко // Грані : науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. – №.4 (36). – Дніпропетровськ, 2004. – С. 73–78.
6. Шульга Е.Н. Герменевтический анализ логических текстов Г. Фреге / Е.Н. Шульга // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. – СПб., 1998.
7. Шульгина Е.Г. “Трихотомия Фреге” и теоретико-игровая семантика / Е.Н. Шульга // Анализ знаковых систем. История логики и методология науки : тезисы докладов IX Всесоюзного совещания. – К., 1986. – С. 49.

Курінна А.Ф. Осмислення феномену слова в зарубіжній філософії мови

Статтю присвячено висвітленню питання щодо дослідження феномену слова (сенсу, іменування, значення мовних виразів) у зарубіжній філософії мови: Г. Фреге, Б. Больцано, Є. Гуссерль.

Ключові слова: феномен слова, філософія імені, філософія мови.

Kurinna A. Understanding the phenomenon of speech in a foreign language philosophy

The article is sanctified to illumination of question in relation to research of the phenomenon of word (sense, name, value of language expressions) in foreign philosophy of language: G. Frege, B. Bolzano, E. Gusserl.

Key words: the phenomenon of word, philosophy of the name, philosophy of language.